
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В НОВЕЙШИХ СТРАТЕГИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА

АРТЁМЕНКО Анна Викторовна, аспирант кафедры международной экономики, ВУЗ Укоопсоюза «Полтавский университет экономики и торговли»

Экономическая этика и социальное партнерство – новейшие и недостаточно утвердившиеся категории в постсоветской науке, что является следствием подчинения их исследования социалистическим принципам и нормативному порядку государственного регулирования социальной сферы в советский период. В то время научное обоснование принципов и норм социальной политики определялось официальной идеологией и решением партийно-государственных институтов. На уровне идеологической пропаганды экономическая этика выражалась многообещающим лозунгом «Все во имя народа, все для блага народа!», а социальное партнерство – как «Нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции!». Научное же вмешательство в экономическую этику, скрывавшую главную тайну социалистического хозяйствования – государственную эксплуатацию работников, было недопустимым и подменялось выводами, запечатленными в названных выше лозунгах. Наиболее значимые принципы экономической этики социализма состояли в преодолении различий в заработной плате работников, или, так называемой, «уравниловке», а также в неуклонном увеличении удельного веса в доходах и потреблении граждан общественных фондов, за счет которых содержались образование, медицина, культура, социальное страхование, курортно-санаторная и спортивно-физкультурная сферы. Несостоятельность уравниловки, как принципа экономической этики, ставшего одной из важнейших причин экономического краха социализма, исследована во многих научных работах и не нуждается в наших комментариях. Приведем лишь замечание немецких исследователей экономической этики К. Хоммана и Ф. Бломе-Дреза, считающих, что «одинаковая заработная плата, в лучшем случае, сопровождается одинаковой бедностью, а в большинстве случаев – неодинаковой бедностью!» [1].

Несколько соображений выскажем и относительно фондов общественного потребления. Как известно, эти фонды на уровне обыденного сознания воспринимались как бесплатное потребление образовательных, медицинских и других услуг. Однако, начиная от территориально-отраслевого распределения и завершая доступом граждан к этим услугам, существовала практика преимущественно несправедливого распределения-присвоения средств этих фондов партийно-хозяйственной и советской номенклатурой и привилегированными кастами советского общества – работниками правоохранительных органов, кадровыми военными, работниками высокоэффективных отраслей хозяйства. Поэтому уравниловка в доходах за труд, недостаточный объем общественных фондов потребления вместе с несправедливым способом их распределения, а главное – низкий уровень совокупных доходов граждан и лживость партийной пропаганды о высоких стандартах жизни советских людей были важнейшими социальными причинами начала трансформационных преобразований. Тот факт, что вся новейшая история постсоветского развития наполнена перманентно нарастающими социальными требованиями, иногда набирающих форму открытого социального протеста, свидетельствует о значении, которое

имеет исследование экономической этики и социального партнерства как с научной, так и хозяйственной, политической и социальной точек зрения.

Имплементации экономической этики и социального партнерства в постсоветскую политическую и хозяйственную практику предшествовало их научное познание. Наиболее быстрым путем решения этой задачи стало заимствование научных взглядов на эти проблемы, доминирующих в современной западноевропейской научной литературе. Речь идет о трудах К. Хоммана и Ф. Бломе-Дрез [1], П. Козловски [2, 3], Ф. Хайека [4], Б. Сутора [5], исследующих морально-этическую составляющую рыночной экономики, а также наиболее эффективные механизмы ее реализации в хозяйственной практике. Следует отметить, что вышеупомянутые ученые имеют как сходные, так и различные взгляды на решение задач повышения этичности хозяйственной деятельности и общественных отношений в целом. Если П. Козловски является сторонником большего вмешательства государства в нормативное регулирование этических проблем экономики, то К. Хомман и Ф. Бломе-Дрез отдают предпочтение свободной экономической конкуренции, в которой «общеэкономическое оправдание эгоизма, частных интересов и стремление к прибыли обусловлено тем, что такой экономический порядок (*рыночная конкуренция*) способен переработать и использовать больше знаний для благоденствия общества, чем порядок, управляющийся общими целями» (*государством*), так как при управлении общими целями используемые знания ограничиваются знаниями общего центра, который и определяет эти цели (*вставки автора – А. Арт.*) [1]. Следует отметить, что, в отличие от англо-американского подхода к трактовке экономической этики как этических условий ведения бизнеса (*Business Ethics*), в западноевропейской социально-философской мысли она рассматривается не как элемент повышения конкурентоспособности и моральной легитимности предпринимательства, а как проблема этичности хозяйства и общества в целом, которую должны решать не отдельные предприниматели, а философы – теоретики этики, экономисты и политики. Выше названными и другими представителями этого научного течения (К. Гоман, А. Рих, П. Ульрих) уже фактически сформировано целостное учение, включающее теорию экономической культуры, критический анализ постулатов «экономизма» и нормативные требования к этичной экономике в рыночном хозяйстве, вступившем в постиндустриальную стадию развития.

Рассмотрение проблем экономической этики в большинстве исследований тесно увязывается с темой социального партнерства, которая в общем виде может быть сведена к идеологеме о «мирном сосуществовании труда и капитала» или к понятию «социальный диалог», доминирующему в политическом и научном лексиконе ЕС. Его современное исследование западноевропейскими и североамериканскими научными школами базируется на концепциях постиндустриальных экономических трансформаций и социальной рыночной экономики и сводится к обоснованию идеи экономической демократии, реализующейся в двух формах. Во-первых, путем участия наемных работников в управлении предприятиями и их соучастием в прибылях. Во-вторых, путем формализованного социального диалога, партнерами которого являются работники, представленные профсоюзами, представители бизнеса и государство. При этом и экономическую этику, и социальное партнерство западноевропейские ученые относят к иррациональным ценностям, берущим начало в духовной сущности человека. Как отмечает выдающийся теоретик и практик социального хозяйствования Л. Эрхард, «свою суть экономика черпает из всей неограниченной сферы жизни народа, и это осмысление уходит своими корнями в область определения последних, конечных ценностей, которые нельзя постичь рациональным путем. Другими словами, мы не имеем возможности исходить в настоящее время с единого и общепринятого понимания смысла жизни. Мы подвергаемся угрозе стать жертвой мании свести к легко решаемым формулам также и окружающие нас качественные ценности и понести их на рынок, но узнать при этом, что счастье все же не является чем-то таким, что можно было бы «купить» [6].

Взаимодействие экономики, политики и этики, в конечном итоге определяющее

содержание социального партнерства, – одна из проблем, наглядно демонстрирующих как неразрывную связанность этих составляющих хозяйственной и общественной жизни, так и необходимость их междисциплинарного анализа. К сожалению, в отечественной науке эта проблема до настоящего времени рассматривается отдельно философами, экономистами и политологами. Особенно «ортодоксальны» в этом смысле философы, социологи и политологи, боящиеся выйти за предмет отраслевых научных специальностей и лишь призывающие сделать такой шаг экономистов. Об этом, в частности, свидетельствует содержание философских работ И. И. Масликовой, считающей, что «концептуализация этико-экономического знания находится еще в стадии своего становления» и делает вывод, что «экономическая наука, несмотря на стремление к самоотделению, находится в постоянной корреляции с этикой» [7]. Философское же осмысление социального партнерства, в отличие от его исследования отечественными экономистами, считает А. Масюк, рассматривается лишь с точки зрения его возможности только при условии государственного вмешательства и того, что в украинской действительности это партнерство скорее внушается мифами о «равенстве неравных», чем является действительной составляющей социальных отношений [8]. Мысль о зависимости развития социального партнерства от государственного попечительства является господствующей и в работах политологов Т. М. Ляшенко, Н. Нижник, С. Дубенко и Л. Пашко. В частности, Т. М. Ляшенко делает вывод, что значительное обострение общественно-политической ситуации, наблюдающееся в большинстве постсоветских стран, свидетельствует о необходимости принятия нормативных актов, направленных на развитие социального партнерства как средства социального согласия в обществе, а также конкретных соглашений в отдельных отраслях и субъектах хозяйства [9]. Следует также отметить, что в политологических исследованиях социальное партнерство преимущественно рассматривается как форма социального диалога между государством и гражданским обществом, реже – с привлечением работодателей и профсоюзов, то есть в форме, так называемого, трипартизма.

Что же касается имплементации научных категорий «этика» и «социальное партнерство» в экономические исследования, то здесь следует отметить монографию ученых харьковской школы социальной экономики Г. В. Задорожного, А. В. Ковриги, В. В. Смолоника «Социальное партнерство – реальный путь к открытому обществу» [10], «застолбивших» тему сотрудничества социальных групп в отечественном экономическом дискурсе, а также работы Г. В. Задорожного, сформулировавшего выводы о морально-этическом содержании постсоветской экономики, роли духовных начал и использования рентных доходов в становлении знаниеемного хозяйства. Эти выводы состоят в необходимости сочетания целерациональной и ценностнорациональной деятельности человека, в которой актуализируется, резко возрастает роль нравственности, духовных ценностей, культуры, социокультурных факторов, которые становятся более значимыми, чем технико-экономические показатели и экономическая целесообразность. Вопреки либеральным выводам о конкуренции как главном двигателе экономического прогресса и духовных достижений, отмечает Г. В. Задорожный, «в основе исторического развития человечества лежит сотрудничество и кооперация» [11, с. 13], что является бесспорным доказательством необходимости социального партнерства как главной формы разрешения противоречивых проблем экономической этики. Новым и важным для осмысления в рамках нашего исследования также является вывод Г. В. Задорожного и А. В. Кацубы о необходимости отказа от постсоветской практики коррумпированного получения ренты отдельными социальными группами и распределение рентных доходов на инвестиции и в виде «национального дивиденда» на всех граждан, что способствовало бы «более социально справедливой материальной реализации верховных собственнических прав всех членов украинского общества» [12, с. 216]. К отечественному научному дискурсу о методологии осмысления экономической этики в постсоветском хозяйстве следует также добавить работы А. Гальчинского, считающего, что «за границами капитализма» проблема экономической

этики становится на порядок выше и сложнее отношений «богатые – бедные», так как современное давление на капитализм «снизу» – это не давление маргиналов, а требования среднего класса, включающие в себя не столько материальные, сколько духовные ценности. Капитализм, по мнению А. Гальчинского, не в состоянии обеспечить системную переориентацию экономики, изменить ее целевую функцию – подчинить ее не опосредованно, а прямо и непосредственно интересам самоутверждения богатства и достоинства человеческой личности, ее подлинной свободы [13, с. 9–10, 13–14].

Появление вышеназванных и других работ демонстрирует открытие в отечественной экономической науке новых направлений – экономической этики и социального партнерства, развитие которых способствует возвращению духовности в наше представление о хозяйстве и расширению, благодаря этому, предмета политической экономии. Это происходит потому, отмечает П. Козловски, что «традиционное разделение этики и экономической науки теперь уже не позволяет решить проблемы разумного хозяйствования», а поэтому «каждая из двух дисциплин требует интеграции своей проблематики в рамках этической экономии и хозяйственной этики» [3, с. 8]. В этой связи следует заметить, что сочетание «разумного хозяйствования» с экономической этикой и социальным партнерством осуществляется в среде противоречивых интересов государства, капитала, личности и сообществ различного уровня. Поэтому, один из наиболее важных выводов современной философии хозяйства состоит в том, что в трансформационный период как хозяйство, так и личность, и сообщества различного уровня должны найти приемлемые формы разрешения существующего между ними противоречия в рамках партнерства, исповедующего исходные принципы рациональности экономических процессов и подчинения частной собственности общественному интересу. С другой стороны, экономическая этика и социальное партнерство, как формы проявления групповых и общих интересов, не могут игнорировать рациональную природу хозяйственной деятельности, основанной как на частной, так и коллективной инициативе. То есть, с одной стороны, они должны противодействовать неэтичности (аморальности) экономической политики и условий хозяйствования, а с другой – противостоять перегруженности этой политики и хозяйства чрезмерными этическими (моральными) требованиями. Как отмечает Г. В. Задорожный, задача состоит в возвращении экономической науки «к анализу тех процессов и механизмов, которые реализуют такие первоначально заложенные в природе человека потенции, как сотрудничество, синергия, партнерство, альтруизм и взаимоуважение», а также во всестороннем осмыслении того вывода, что «только социальная экономика, основанная на доверии, справедливости, сотрудничестве и взаимопомощи, имеет не только право на существование, но и необходима с точки зрения благополучия как в настоящем, так и в будущем» [14, с. 32, 34].

С самого начала трансформационных преобразований существовало несколько взглядов на становление новых моделей экономической этики и социального партнерства. Первый из них базировался на признании необходимости постепенности либерализации цен и приватизации, что позволило бы, по мнению авторов этих взглядов, придать социальным процессам управляемость и избежать социальной катастрофы. Его сторонники из числа бывшей хозяйственной и политической номенклатуры категорически не воспринимали как теоретические взгляды, так и практику «шоковой терапии» Л. Бальцеровича, считающего, что быстрая экономическая либерализация, способствующая высвобождению рыночных сил, создает условия не только для наращивания производства, но и потребления, а также уменьшает социальную зависимость индивида от государства [15, с. 58]. Эти взгляды стали научным обоснованием политики постепенных темпов трансформационных преобразований в большинстве постсоветских стран, послужившей основой «строительства» коррупционных механизмов извлечения рентных доходов хозяйственной элитой и государственными чиновниками. Второй взгляд на проблему сводится к крайне негативным оценкам «постепенности» реформ, приведших к «неэффективной экономике» и социальной деградации общества. Этот подход наиболее полно систематизирован в работах Ю.

Буздугана «Постиндустриальная система Украины (Неэффективная экономика) [16] и А. Ослунда «Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего светского блока», считающих, что медленные темпы трансформационных реформ стали главной причиной кризисного и стагнационного развития экономики и, как следствие, снижения социальных стандартов жизни. При этом, А. Ослунд делает вывод, что в большинстве стран постсоветского блока, в которых рыночные реформы осуществлялись более динамично и последовательно, негативные социальные последствия были меньшими чем этого можно было ожидать и расходы на социальные цели даже увеличились [17, с. 447–449]. Действительно в бывшей ГДР, Венгрии, Польше, Словении, республиках Балтии, отнесенных А. Ослундом к «благополучному большинству», социальные потери, в силу внутренних причин и, особенно, внешних займов, были меньшими, однако на территории СНГ образовалось «неблагополучное большинство» (Молдова, Армения, Грузия, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмения...), в котором, вместе с резким падением производства, значительно сократились объем ВВП и социальной составляющей государственных бюджетов произошло стремительное обнищание всего населения. Сократились не только стандарты социальной жизни, но и источники доходов, ставшие менее стабильными и в большей степени связанными с натурализацией хозяйственной деятельности. Согласно данным Института демографии и социальных исследований имени М. В. Птухи, в Украине, отнесенной А. Ослундом к менее социально пострадавшим, заработная плата, являясь главным источников доходов домохозяйств, в 2011 г. составляла лишь 45 % у беднейшей и 54 % – в наиболее обеспеченной их части. Доходы же от предпринимательской и индивидуальной деятельности составляли, соответственно, в этих группах 2,5 и 8,8 %. При этом, утверждают ученые этого института, размер льгот и субсидий, получаемых 10 % наиболее состоятельной части населения, в 2,8 раза превышает их размер у 10 % беднейшей части населения. Нельзя не согласиться с выводом демографов, что, кроме отсутствия эффективной экономической этики, причины социального неравенства в постсоветских странах кроются в неравном доступе к ресурсам и социальным услугам. Более чем убедительным также является их вывод относительно того, что утверждающаяся социальная модель объективно способствует формированию в обществе «крайних степеней неравенства», при которых «плоды экономического роста будет потреблять меньшая часть населения, тогда как уровень жизни большей части будет уменьшаться» [18, с. 53–68]. Этот вывод подтверждается и статистическими данными. Например, в 2000 г. реальный объем ВВП в странах Центральной и Восточной Европы и Балтии, где наблюдалась удовлетворительная социальная ситуация, увеличился в среднем на 107 % от уровня 1989 г. В странах же СНГ этот показатель в этот период, по подсчетам Л. Бальцеровича, в среднем, равнялся 61 %, а в Украине и Молдове, заключающих список этих стран, соответственно, составил 42 и 33 %) [15, с. 66]. Приведенные польским экономистом данные заставляют усомниться в выводе А. Ослунда о росте объема совокупных государственных расходов на социальные цели. Вот по уровню коэффициента Джинни, отражающего социальное расслоение, постсоветские страны в 90-е гг. прошлого века, действительно вышли на показатели наиболее передовых стран мира. Если дифференциация доходов в развитых обществах в настоящее время колеблется между показателями 23 в Дании и 45 – в США, то в Украине и России уже к 2000 г. они, соответственно, составили – 41,3 и 48,3 пункта [19; 15, с. 69]. Есть все основания полагать, что с того времени эти показатели только возросли и «богатые стали еще богаче, а бедные – беднее».

Кроме экономических причин, на становление норм и стандартов экономической этики большое влияние оказывают избранные постсоветскими странами модели трансформационных преобразований и их внешнеполитические ориентации. К примеру, социальная система стран Балтии, ориентирующихся на ЕС, с самого начала трансформационных преобразований стала строиться на основе ценностей западноевропейского «социального общества» и механизмов «европейского социального диалога». Их вхождение в это сообщество, отмечает специалист по правовым вопросам

Европейского института профсоюзов С. Клаувэрт, сопровождалось глубокой социальной реформой, состоящей во внедрении в странах-кандидатах социальных достижений, нормативных рамок и стандартов, имеющих место в Европейском Союзе [20, с. 114]. В других постсоветских республиках становление экономической этики на принципах хозяйственной организации социального общества было невозможным или, точнее, маловероятным из-за низких темпов и извращения сущности рыночных реформ. То, что такая зависимость существует, убедительно свидетельствуют данные таблицы 1, в которой азиатские страны, где вместе с номенклатурной приватизацией утвердились режимы полу- и тоталитарного толка, занимают места аутсайдеров по всем показателям социальной жизни, включенных. Лишь в Республике Беларусь благодаря сохранению планового регулирования экономики и социалистической социальной модели, не смотря на низкие темпы рыночных преобразований, удалось достичь социальных стандартов близких к их уровню в республиках Балтии. Приходится констатировать, что трансформационные модели экономической этики в постсоветских республиках, кроме стран Балтии и Республики Беларусь, в большей степени соответствуют характеристикам социальных отношений в латиноамериканских странах, которым свойственны низкий уровень социального обеспечения и распределение социальных бюджетных фондов в пользу состоятельных слоев населения. Наиболее ярким подтверждением этого тезиса являются системы пенсионного обеспечения в этих странах, где пенсии чиновников, особенно политического уровня, в десятки раз превышают средний уровень пенсий рядовых работников.

Важнейшими составляющими социального развития общества являются размер заработной платы, развитие системы социального страхования, наличие и качество бюджетных систем образования и здравоохранения. А так как все они прямо зависят от результатов хозяйствования и налогов на доходы юридических и физических лиц, то между предпринимателями и работниками, потребителями страховых фондов и обществом порождается противоречие, реализующееся в форме потенциального или выраженного социального конфликта. Разрешение этого конфликта осуществляется путем баланса социальных требований в границах между экономически обоснованными социальными стандартами и созданием условий для эффективного хозяйствования. Решение этой проблемы в постсоветских странах, с учетом поставленной ими задачи «исторического прорыва», по нашему мнению, должно осуществляться в привязке роста социальных стандартов к динамике экономического развития или же их снижению с целью использования части дохода предприятий, предназначенного для социальных целей, на производственные инвестиции. Очевидно, что это может быть воспринято населением только при пуританской этике всех социальных групп общества, а не только простых граждан.

Формирование постсоветской модели экономической этики в постсоветских республиках, кроме стран Балтии, не имеет существенных успехов по целому ряду причин. Важнейшей из них является консервирование патернализма государства, как важнейшего средства сохранения власти доминирующих элит в большинстве постсоветских стран. Ярким свидетельством этого являются протестные выступления в Украине в конце 2013 г. – начале 2014 г., когда директора государственных предприятий организовывали выступления рабочих не в поддержку акций социального протеста, а государственной власти, дотирующей эти предприятия. Ее поддержка шахтерами опровергает миф о «классовой солидарности» и показывает, что экономически несправедливое перераспределение средств в пользу отдельных социальных групп позволяет заручиться их политической поддержкой. Этот вывод, в частности, нашел подтверждение на IV съезде профсоюза работников угольной промышленности Украины (сентябрь 2013 г.), с трибуны которого его председатель заявил: «Несмотря на глубокие кризисные явления в экономике страны, заработная плата работников отрасли росла опережающими темпами в сравнении с другими отраслями промышленности. За истекшие пять лет она увеличилась более чем в 2 раза» и составила 5700 грн в месяц, а горнорабочих очистных забоев – свыше 9000 грн [21] при 3261

грн в среднем по народному хозяйству Украины [22]. На наш взгляд, это обстоятельство имело большее значение для участия угольщиков в поддержке центральных властей, чем информационный фактор, считающийся главным в выработке позиций участников «антимайдана».

Политика приоритетной поддержки отдельных социальных слоев сопровождается игнорированием рыночного закона честной конкуренции и позволяет политическим и хозяйственным элитам минимизировать социальные стандарты в целом до уровня, позволяющего сохранить их власть. При этом отметим, что государственное регулирование социальной сферы присуще для всех, в том числе и наиболее развитых стран. Однако, в обществах с социальной экономикой, вмешательство государства в экономику главным образом сводится к секвестру природной ренты, установлению общих правил налогообложения и предоставлению льгот хозяйствующим субъектам, осуществляющих значительные или рискованные инвестиции в производство. В социальном обществе государство, являясь важнейшим игроком на поле экономической этики, превращается, утверждает Г. В. Задорожный, в «центр, обеспечивающий реализацию жизнеутверждающей стратегии развития человеческого сообщества, проживающего на национальной территории» и является «гармонизатором целостного национального хозяйственного развития» [23, с. 93]. Если же осуществить анализ социальной политики большинства постсоветских государств, то выяснится, что она преимущественно диктуется не целями хозяйственного развития, как основы социальной жизни, а патерналистскими действиями правящих элит ради сохранения власти. При этом, игнорируется прямая зависимость роста стандартов экономической этики от расширенного воспроизводства и повышения эффективности хозяйства. В ущерб его развитию полученные от хозяйственной деятельности доходы направляются не на инновационные инвестиции, а в значительной части присваиваются посредством коррупционных и легальных механизмов работодателями и менеджерами, а частично отдаются на «проедание» обществу. На протяжении всего постсоветского периода такие механизмы становления трансформационной модели экономической этики основываются на доходах, полученных за счет предельной эксплуатации природных ресурсов и форсированного развития экологически вредных производств, а также внешних заимствований. Учитывая то, что модель экономической этики, основанная на «социальных подачках» от «рентного пирога», поддается нарастающей критике, делаются попытки ее оправдания с помощью научных доводов. К примеру, одним из «открытий» в области экономической теории стал вывод, что создание и деятельность крупных государственных корпораций способствует эффективному использованию природной ренты в общественных целях [24, с. 29–35]. Возможно, что они способны играть именно такую роль. Но, на самом деле, определенная политиками и хозяйственниками философия деятельности этих корпораций состоит в подчинении им в значительной мере монополизированных природных и других экономически эффективных производств, выполняющих роль главного источника обогащения чиновников и государственных менеджеров, а также клапана, с помощью которого они регулируют социальные процессы и общественные настроения. На наш взгляд, именно с этой целью были сохранены старые и созданы новые сырьевые, энергетические и транспортные государственные корпорации в РФ – (РАО «Газпром», ОАО «ЕЭС России», ОАО «Российские железные дороги»). Этот процесс получает дальнейшее развитие в современной деприватизации субъектов хозяйствования естественно-монопольного сектора экономики, о чем свидетельствует поглощение государственной компанией «Роснефть» крупнейшей в РФ частной нефтедобывающей компании «Юкос». Благодаря контролю монопольных секторов экономики, прежде всего рентных, политические элиты постсоветских стран пытаются управлять социальными процессами путем влияния на главные, формирующие бюджет отрасли и компании. Непрозрачный механизм «остаточного» удовлетворения социальных потребностей граждан и присвоения значительной части ренты экономической и политической элитой кроется в сливании «всех доходов от различных направлений деятельности субъектов естественных монополий в один

котел», отсутствии открытой статистики об экономических результатах их деятельности и защите их предложений по тарифам (на газ, электроэнергию, нефтепродукты) с использованием административного ресурса. «Реальное тарифообразование в сфере естественных монополий – не только экономический, но и политический торг», – утверждают авторы цитируемой выше монографии [24, с. 18]. Этот процесс, названный бывшим министром финансов РФ А. Кудриным «ползучей деприватизацией» [25], имеет место во всех постсоветских странах. Однако, если в России он приобретает форму ревизии «реформ Гайдара–Чубайса», то в других – компенсируется незавершенностью приватизации в монопольных секторах экономики. Согласно данным Антимонопольного комитета Украине в нашей стране к ним следует отнести НАК Нафтогаз Украины в лице ОАО «Укртрансгаз», Национальную энергетическую компанию «Укренерго», «Укрзалізницю», «Укртрансгаз», государственное предприятие «Укрхімтрансміак» и другие производства [26]. Сохранение государственной собственности на природно-монопольном секторе экономики наиболее характерно для Казахстана, Азербайджана, Туркмении и другим постсоветских стран с богатыми запасами природных ресурсов. В тех же, где такие ресурсы отсутствуют, государство в основном сохраняет свою монополию на производство, оптовую реализацию и взимания ренты в виде налога на прибыль и акциза на алкогольную продукцию, экспортные операции, связь, уникальные производства и др. Об этом, в частности, свидетельствует содержание законодательных актов всех постсоветских стран в сфере регулирования государственных монополий и выводы научных исследований о деятельности частных и частногосударственных компаний в рентных отраслях хозяйствования [27]. Причина такого механизма распределения рентных доходов, считают Г. В. Задорожный и А. В. Кацуба, состоит в том, что «рента как понятие не фиксирует четко связи с той человеческой деятельностью, результатом которой (доход) она является». Особенно это касается квазиренты, которую они определяют как «разновидность дохода от *виртуально-манипулятивной сознательной деятельности* (выделено автором, А. Арт.) человека, в основании которого лежит непродуктивное изменение материально-физических свойств природы» [12, с. 153, 155]. Благодаря этим свойствам ренты, особенно сознательно созданным виртуально-манипулятивным механизмам ее превращения в квазиренту, политическая надстройка и хозяйствующие субъекты в сфере естественных монополий, соглашаясь на частичное регулирование цен на внутреннем рынке, получают сверхприбыли на внешних рынках, с лихвой компенсирующие потери, которые они понесли внутри страны. Основанные на эксплуатации природных ресурсов и их первичной обработке, они, как и в советский период, действуют непрозрачно, а следовательно стандарты экономической этики определяется не тщательным анализом и контролем общества за экономически рациональным использованием части рентных доходов на социальные нужды, а патерналистской заботой руководителей предприятий и государства, которая распространяется до пределов, за которыми начинается выраженный социальный протест.

В начале трансформационного периода во всех постсоветских странах разразилась гиперинфляция, ставшая следствием неконтролируемой эмиссии бумажных денег Центробанком СССР и сокращения товарной массы. В 1990–1993 гг. их «вбрасывание» в экономику постсоветских республик, не имеющих собственных денежных систем, особенно после либерализации цен в 1992–1993 гг., привело к значительному сокращению реальных доходов населения и их натурализации. Значительно увеличилась доля в совокупном объеме доходов граждан продуктов, полученных от подсобного сельского хозяйства или домашнего промысла. Вследствие этих процессов также значительно уменьшились доходы, а следовательно и потребительские расходы граждан. В сравнении с 1990 г. в 1999 г. они составляли: в РФ – 72,6, Беларуси – 84,6, Украине – 56,6, Молдове – 92,9, Армении – 85,7, Казахстане – 48,3, Кыргызстане – 60,9 %, тогда как в Эстонии – 131,8 и Литве – 120,2 % [17, с. 453]. Эти показатели зависели от динамики хозяйственного развития, содержания и степени завершенности трансформационных реформ, качественная совокупность которых не позволила политическим элитам предпринять достаточные бюджетные и законодательные

меры для снижения социальной напряженности. Особенно острой в 90-е гг. и в начале нового столетия она была в Украине, Узбекистане, Молдове, в которых имели место акции открыто выраженного социального протеста. Как свидетельствуют новейшие факты социального противостояния в Украине, его причины не устранены до настоящего времени. Важнейшей из них является постоянная инфляция, продуцируемая не только экономическими, но и политическими причинами. Уже подзабытую гиперинфляцию, определявшую уровень социальной жизни в первое десятилетие трансформационных преобразований, можно бы было оставить без внимания, если бы ее пример не был взят на вооружение политиками, как средство тактического «пересмотра» достигнутых в ходе социального диалога договоренностей в области экономической этики. Установленные социальные стандарты постоянно девальвируются опережающим ростом цен на потребительские товары, значительным отставанием реального уровня ВВП и жизни от их номинальных показателей. К примеру, если в 2000–2006 гг. рост номинального уровня ВВП Украины составлял 316,1 %, то реального – всего на 164,4 % [28]. О соотношении номинальной и реальной заработной платы в этой стране наглядно свидетельствуют официальные статистические данные. К примеру, в 2000 г. ее номинальный размер увеличился на 129,6, а реальный – на 99,1 %, в 2008 г., соответственно, – 133,7 и 106,3 %, в 2011 г. – 117,6 и 108,7 %. И только в 2011 г., если верить данным используемого источника, разрыв между ними составлял лишь 0,5 процентных пункта [29, с. 187]. Это обязывает исследователей критически оценивать ежегодный рост социальных стандартов, реальная величина которых постоянно уменьшается на процент инфляции.

Главной причиной неудовлетворительного уровня социальных стандартов является навязанная обществу постсоветской номенклатурой стратегия частичных реформ. Это позволило ей узурпировать значительную часть национального богатства: при проведении нечестной приватизации; установлением для себя высоких должностных окладов и дополнительных выплат; созданием для себя привилегий в социальном страховании, особенно при назначении пенсий. Вследствие этого в пределах общего сужения границ экономической этики для большинства населения значительно усилился процесс имущественного расслоения и обнищания значительной части граждан. В отличие от предыдущего периода, социальная структура постсоветских республик приобрела черты общества с достаточно большим и постоянно растущим расстоянием между полюсами богатства и бедности. Теперь уже не нужно скрывать богатство, как это было в предшествующий период, и объяснять источники его происхождения, так как на всех современных больших состояниях, по крайней мере в моральном плане, лежит печать нелегитимности. Естественным следствием этого процесса стало утверждение новых статустных характеристик морали, культуры и достоинства, значительно отличающиеся от их общепринятых стандартов.

Более демократично эти процессы происходили в странах Балтии, осуществивших быструю либерализацию цен, приватизацию, введение собственных валют, люстрацию и отстранение прежней номенклатуры (особенно из представителей других наций) от управления субъектами хозяйствования и государством. Попутно заметим, что в этих странах в процессе трансформационных реформ происходило увольнение с номенклатурных должностей и установление социальных ограничений граждан по этническому принципу. Например, в Латвии в 1992 г. был установлен одинаковый размер пенсий для всех граждан. Эта мера прежде всего была направлена против многочисленного контингента военных пенсионеров бывшего СССР, получающих более высокие пенсии. Социальную направленность также имеет деление населения балтийских республик на граждан и не граждан, фактическое и юридическое ограничение социальных прав последних, вследствие чего возникла значительная миграция населения, сопровождающаяся его обнищанием. Особенно динамично материальное неравенство и обнищание граждан происходило в странах, где были созданы наиболее благоприятные условия для присвоения ренты хозяйственной и политической элитой. Чтобы понять масштабы этого процесса приведем два

примера. Так, согласно расчетам, приведенным в исследовании «Природная рента в экономике России» переход от ставки налога 60 % на прибыль предприятий черной металлургии к 80 % рентного налога позволило бы увеличить доходы госбюджета на 18 % [30, с. 86]. То же самое можно сказать и об Украине, примерно пятая часть ВВП которой формируется за счет экспорта черных металлов [17, с. 442]. Только от обложения экспорта продукции этой отрасли, к примеру, в 2003 г., когда он составил 6,73 млрд долл., а маржа (разница между внутренней и экспортной ценой) составляла 50–100 долл. при стоимости 236 долл. за одну тонну, на социальные нужды, по нашим расчетам, обложив эту маржу 80 % рентного налога, можно было бы получить на социальные нужды более 4 млрд долл. Вместо этого, черная металлургия и сопредельные с ней отрасли были избраны объектами государственного субсидирования, как убыточные [31, с. 49, 60, 87]. Если во всех развитых странах 80 % сверхприбылей естественных монополий, прежде всего нефтяных и газовых компаний, в виде рентных налогов отчисляется в государственный бюджет, то в РФ это соотношение в 2004 г. составляло 50 %, а в 90-х, когда формировались состояния известных всему миру олигархов, оно было еще более убыточным по отношению к государству [32]. Одной из причин недостаточного использования природной ренты на социальные цели и производственные инвестиции является отсутствие в налоговом законодательстве постсоветских стран специального налога на ренту и взимание вместо этого налога на прибыль, ставка которого для рентных субъектов хозяйствования ниже среднемировой на 20–30 % [27].

Присвоение природной ренты на внутреннем рынке, посредством экспортных операций и прямых хищений ограниченным кругом хозяйственников и политиков сопровождается образованием современных элит, более состоятельных социальных групп работников в рентных секторах производства и остального населения, оплата труда которого и социальное обеспечение находится ниже или на уровне прожиточного минимума. Согласно статистическим данным, в 2009 г. в Центральной Азии (Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан) и Азербайджане, где проживало в то время 27,6 млн человек, 19,5 млн, или 70,7 %, относились к категории неимущих. При этом за чертой бедности в Таджикистане и Туркмении находилось 60, в Киргизии – 40, в Узбекистане – 26, в Казахстане – 12,1, а в Азербайджане – 11 % населения [34]. В целом же, в странах СНГ в 2012 г. за чертой бедности находилось 42 млн человек, из которых 14 млн работающих. Как отмечалось на Всеобщей конференции профсоюзов стран СНГ (13.09.2012 г.), главной причиной этого является сознательное занижение работодателями размеров заработной платы с целью вывоза капиталов за границу. Согласно данным, обнародованным на этом форуме, на протяжении 1990–2010 гг. только с РФ было вывезено 798 млрд долл., Украины – 167 и Казахстана – 138 млрд. Разработанная названным объединением профсоюзов программа усиления экономической этики состоит в повышении заработной платы до уровня прожиточного минимума, а впоследствии – минимального потребительского бюджета, а также во введении прогрессивного налогообложения доходов и налога на богатство [34]. О том, насколько актуальны эти задачи, свидетельствуют данные табл. 1. Если сравнивать их с показателями стран ЕС, согласно которым средний уровень ВВП на душу населения в этом союзе в 2010 г. составлял 24 400 евро (32 600 долл.) [35], а цены на потребительские товары в постсоветских и европейских странах были почти сравнимыми, то следует сделать вывод об очень низких показателях экономической этики на всем пространстве СНГ, особенно в республиках с медленными темпами трансформационных реформ и эффективными механизмами присвоения природной ренты отдельными общественными группами. Относительное лидерство среди этих стран – России, Украины, Азербайджана и Казахстана обусловлено беспощадной эксплуатацией природных ресурсов и значительными объемами экспорта продукции вредных производств первичной переработки природного сырья.

В научной литературе начала рыночных преобразований господствовал вывод, что главной причиной отсутствия высоких стандартов социальной жизни является господство

неэффективного государственного сектора экономики. Однако выявилось, что осуществляемая приватизация не сопровождается ростом ранее действовавших социальных стандартов и параллельно с ней происходил отказ от действующих социальных программ предыдущего периода. Прежде всего, речь идет о системе бесплатной медицины и образования, превратившихся в отрасли, в которых дефицит бюджетного финансирования заполнился введением платных услуг, значительным снижением их качества и распространенным взяточничеством работников. На наш взгляд, кроме выше названных причины, медленное становление постсоветских нормативных рамок экономической этики и социального партнерства связано с ментальной привычкой, приобретенной в социалистический период, игнорировать рациональность экономики и осуществлять на нее давление «сверху». Очевидно, что давление на хозяйство как «сверху» (государства), так и «снизу» (работников), имеет тормозящее воздействие на его развитие, а если это давление достигнет уровня чрезмерных «повинностей» по формированию государственного бюджета и удовлетворению социальных потребностей работников – сопровождается его разорением. Усвоение этой истины особенно актуально в постсоветских республиках, экономическое отставание которых от передовых стран мира объективно обуславливает необходимость сокращения в них издержек производства на налоги, заработную плату и социальные выплаты с целью аккумулирования сэкономленных средств для инвестирования производства и обеспечения на этой основе более высоких темпов экономического развития.

Таблица 1

Показатели ВВП и экономической этики в постсоветских странах за 2010 г.

Страна	ВВП на душу населения, <i>долл. США</i>	Соотношение внешнего долга к ВВП, %	Средняя заработная плата, <i>долл. США</i>	Средняя пенсия, <i>долл. США</i>	Средняя продолжительность жизни, <i>лет</i>	Занятость населения, %	Поступают в ВУЗы после окончания обучения в школе, %
Эстония	14 836	7,8	790	305	75	83,5	95,0
Латвия	10 692	50,0	840	400	73,5	81,0	88,0
РФ	10 500	12,0	700	250	69	93,0	90,0
Литва	11 050	42,5	760	290	73	82,0	76,0
Азербайджан	6 000	12,5	380	200	70,5	93,0	24,0
Казахстан	8 900	19,0	520	200	68,5	94,0	39,0
Беларусь	5 800	28,5	420	200	71	99,0	98,0
Украина	3 000	41,0	280	150	69	92,0	97,0
Молдова	1 600	35,0	240	80	69	92,0	73,0
Грузия	2 600	48,0	300	40	71	83,0	63,0
Армения	2 850	52,0	290	70	73	92,0	33,0
Узбекистан	1 380	12,0	240	60	68	98,0	26,0
Туркменистан	3 900	17,0	300	70	65	84,0	18,0
Киргизия	870	70,0	160	50	67	94,0	15,0
Таджикистан	740	45,0	85	20	67	85,0	9,0

Источник: Составлено автором на основании [33].

То есть, речь идет о том, что задачи «исторического прорыва» по преодолению отставания требует от них сознательного сокращения потребления и аккумулирования бюджетных средств и доходов субъектов хозяйствования для преодоления отсталости и вхождения в глобальное хозяйство на принципах равноправного партнерства. Однако, как показывает отечественный опыт, объективная необходимость достижения возжеланных перспектив

экономического развития и социального благоденствия отнюдь не означает, что политическая и экономическая элита в этих странах способна преодолеть собственные эгоистические интересы и отказаться от привилегий «праздного класса». В ответ на такое поведение элит работники требуют повышения уровня их социальной жизни, стандартами которой они считают не возможные, а желательные нормы, характерные для развитых стран. Как следствие, почти во всех постсоветских республиках и «верхи» и «низы» «дериванят» средства, предназначенные для «исторического прорыва», неотвратимым следствием чего являются хронические спады и стагнации производства и низкий уровень жизни.

Изображенная ситуация внушает пессимистические размышления по поводу вопросов: возможно ли успешное развитие постсоветского хозяйства, базирующегося на рыночной конкуренции и стандартах экономической этики, установленных с учетом задач «исторического прорыва»? Необходимо ли государственное регулирование нормативных рамок экономической этики и социального партнерства? Какие задачи перспективного развития должны иметь приоритетный характер: задача «прорыва» или задача удовлетворения социальных потребностей? Очевидно, что прямых ответов на эти вопросы нет, однако, следует признать, что и конкуренция, и государственное регулирование этих процессов могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Также следует иметь в виду, что трансформационные преобразования в большинстве постсоветских государств не завершены, и условия для свободной конкуренции в них почти полностью уничтожены политической целесообразностью и лоббированием интересов отдельных экономических групп. А если учесть, что даже в развитых странах с рыночной экономикой свободная конкуренция ограничивается организационными и экономическими требованиями общества (государства), то следует признать необходимость сочетания в постсоветской хозяйственной и общественной практике как рациональности экономики, так и ее государственного регулирования, степень которого, на наш взгляд, должна быть обратно пропорциональной уровню развития хозяйства и демократизации экономических отношений. Следует отметить, что обозначенная выше проблема требует переориентации исследований от вопросов предпринимательской этики, которые исследованы лучше, к проблемам материальных, особенно духовных требований работников, обоснованию уровня *возможных* этических стандартов, достижение которых может сопровождаться социальным партнерством. К сожалению, эта проблема не исследуется в большинстве из названных работ. Только отдельные ученые постсоветских стран, полагающие, что этико-моральное, духовное содержание хозяйственной деятельности является наиболее важным условием ее успеха, выводят ее с узких рамок этики бизнеса и распространяют на человека независимо от его социального статуса, который вместе с развитием постиндустриального хозяйства эволюционирует от «человека экономического» к «человеку духовному». Противоречивость этого процесса состоит в том, что на имплементацию в постсоветское хозяйство современных ценностей экономической этики и социального партнерства преобладающее влияние имеют либеральная идеология и атавистическая психология большей части новой буржуазии, действия которой на протяжении всего трансформационного периода подчиняются задачам накопления капитала и его эгоистического использования. Ее главной целью является получение максимальной прибыли, уклонение от выполнения задач «исторического прорыва» и общественных обязанностей, предъявляемых стратегическими задачами общественного развития и нормативными рамками экономической этики. Особенно негативное влияние на становление новых ценностей до настоящего времени имело подчинение хозяйственной деятельности интересам доминирующих экономических и политических групп, формулирующих социальную политику государства. На законодательном уровне им и ими же создаются льготы в области этико-экономических обязанностей отдельных предприятий и целых отраслей экономики, выполнение которых делегируется аутсайдерам. Поэтому исследование этой проблемы, на наш взгляд, должно сосредотачиваться на ее политэкономическом аспекте, а в его границах – анализе законодательных актов. При этом следует учитывать, что, кроме регуляции социальной

сферы, в нормативных рамках экономической этики должна определяться материальная и моральная ответственность за возрастающее негативное влияние хозяйственной деятельности на культурную и экологическую среду, а также разрешаться проблема взаимного отчуждения мира экономики и мира духовной культуры.

Очевидно, что этико-экономическое уравнивание социального напряжения, детерминирующееся экономическими, экологическими и социокультурными противоречиями, является достаточно важным условием легитимности политической власти и коммерческой деятельности предпринимателей, а в конечном итоге – общественного мира. Следовательно, с одной стороны, задачей ученых является познание содержания этой проблемы и формулирование выводов, которые бы способствовали определению этико-экономических стандартов трансформационных преобразований и этических требований к легитимности политической и предпринимательской деятельности. С другой стороны, политическая и хозяйственная элита обязана соблюдать эти стандарты и постоянно доказывать обществу собственную легитимность и нравственность, стремиться поднять планку этих стандартов, что позволит снять общественное напряжение и мобилизовать усилия для созидательных целей.

Важнейшими этическими ценностями хозяйственной модели, возникающей в результате трансформационных преобразований, являются свобода предпринимательства, равенство форм собственности и их неприкосновенность, право на труд и отдых, законодательно установленные нормы рабочего времени и заработной платы, социальное страхование по безработице и потере трудоспособности, юридические нормы налогообложения и моральные обязанности перед обществом. Такими же важными их составляющими являются главные составляющие социального партнерства, включающие заинтересованность предпринимателей в получении прибыли и служении обществу и ответственность работников за выдвигаемые требования. Границы же общественной реализации этих ценностей устанавливаются законами, регулирующими перераспределение национального дохода с целью удовлетворения правовых, социальных и моральных потребностей всех граждан. Устанавливая стандарты социальной жизни и механизмы их обеспечения за счет заработной платы и налогов, эти законы определяют степень этичности хозяйства и, помимо названных задач, призваны способствовать сохранению заинтересованности бизнеса в дальнейшем развитии производства, а работников – в росте качества и производительности труда. Следовательно, преобразование экономической этики в составляющую хозяйствования и социальных отношений решается путем политического регулирования и в связи с этим приобретает значимость одного из базовых оснований не только хозяйственного, но и общественного строя и его идеологии. Как известно, на первоначальном этапе постсоветского реформирования социально-экономических отношений в идеологии и правовых нормах рыночного законодательства действовали социалистические принципы и нормативные рамки экономической этики. Они определялись действующими в тот период стандартами в области труда и заработной платы, ставками отчислений субъектов хозяйствования и работников в общественные фонды потребления. Но после либерализации цен и начала денежной приватизации субъектов хозяйствования государственной и коллективной форм собственности, происходил пересмотр не только ранее действовавшей модели экономической этики, но и трансформировалось такое важнейшее ее понятие как социальная справедливость. Если при социализме термин «социальная справедливость» включал дифференцированное распределение результатов производства «по труду» и декларируемое «равенство» при распределении общественных фондов потребления, то в процессе трансформационных реформ его содержание стало эквивалентным понятию «равенства возможностей» в реализации неотъемлемых прав человека. При этом во всех постсоветских странах, правда, в разной мере, стали использоваться выводы концепции радикального эгалитаризма, обосновывающей необходимость предоставления «неуспешным» не только материальной компенсации, но и возможности равного участия во всех сферах гражданского общества. Думаем, что следует

согласиться с положением Р. Хеара, Р. Брандта, В. Райана и других авторов названной концепции, что «получение неимущими определенного количества благ дает в целом больший прирост полезности, чем потеря этих благ чрезмерно обеспеченным» [36]. Правда, внедрение этого и других принципов солидаризма, граничащих с попечительством, не отменяют того важнейшего обстоятельства, что трансформационные преобразования с самого начала осуществлялись по либеральному сценарию, гиперболизирующему индивидуальную свободу и отрицающему принцип «солидарности» и «социальной справедливости», как противоречащих современной морали *homo-economicus* и «морали открытых рынков» [1]. Вследствие этого в социальной политике постсоветских обществ наметилась стойкая тенденция игнорирования государством духовных и других социальных потребностей граждан, реализующихся вне хозяйственной деятельности, что превращает их удовлетворение на относительно равных правах в сферу социальной справедливости, базирующейся на жизненном успехе. Прежде всего это касается высшего образования, медицины и формирования творческих способностей граждан, финансирование которых во всех постсоветских странах в значительной степени, а возможно и преимущественно, стало осуществляться за счет потребителей соответствующих услуг. В связи с отсутствием официальной статистики, характеризующей эти процессы, о его масштабах мы можем судить по различным несистематизированным данным. Если учесть, что Министерство образования и науки Украины ставит перед собой задачу поддерживать удельный вес студентов ВУЗов, обучающихся за счет бюджетного финансирования, до 50 %, оно тем самым признает, что в 2012–2013 учебном году обучались за свой счет не менее 1085 тыс. из 2170 тыс. студентов [29, с. 203]. Такая же ситуация с продолжением обучения выпускников школ в ВУЗах во всех постсоветских республиках, вследствие чего сокращается количество выпускников школ, продолжающих учебу в высших учебных заведениях: до 9 % в Таджикистане, 15 % – в Киргизии, 18 % – в Туркмении (см. табл. 1). Конституционное провозглашение бесплатного образования и медицинского обслуживания в постсоветских странах почти полностью уничтожается подзаконными актами. К примеру, нормой части 1 статьи 41 Конституции РФ провозглашается, что «медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [37]. Однако Постановлением правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 и нормативными документами Минздрава РФ, направленными на его выполнение, бюджетным медицинским учреждениям разрешено самостоятельно устанавливать стоимость платных медицинских услуг [38]. Этот пример можно было бы оставить незамеченным, если бы он не демонстрировал повсеместное пропагандистское декларирование на пропагандистском и законодательном уровнях высоких стандартов экономической этики и их отмену подзаконными актами во всех сферах социальной жизни постсоветских стран.

Существует много причин, почему трансформационные процессы, открывающие невиданные до того возможности для развития экономической демократии, а затем и для гуманизации экономических отношений и хозяйствования, сопровождаются сокращением их этической составляющей. Однако, следует отметить, что кроме объективных причин, вызванных научно-технологическим отставанием постсоветских республик от передовых стран, развалом союзного хозяйственного комплекса, изолированностью от глобального хозяйства и строительством независимых экономик, существовали и другие, зависящие от эффективности политической надстройки, институционального выбора и темпов трансформационных преобразований. Как справедливо отмечают К. Хомман и Ф. Бломе-Дрез, одной из причин медленного становления трансформационной модели экономической этики также было «отсутствие голосов из академического сообщества», направленных на познание условий ее формирования [1]. К этому следует добавить, что отсутствие научных исследований в этой сфере дополняется некритичным заимствованием классической концепции экономической этики, базирующейся на выводах о преимуществах рыночной экономики, как наиболее эффективной с точки зрения удовлетворения духовных и

материальных потребностей. Именно благодаря ей, утверждают авторы этой концепции, можно создать лучшие условия для индивидуальной свободы и равных возможностей для всех членов общества. Дальнейшая логика этих рассуждений сводится к тому, что при наличии равных возможностей люди теряют желание работать, если результаты их усилий будут присваиваться и теми, кто не внес вклада или внес меньший вклад в их достижение. Это, в свою очередь, приведет к деградации производства, а следовательно и негативно скажется на решении этических проблем экономической деятельности. В связи с этим этико-либеральная концепция рыночной экономики не только не сводится к реализации принципов социальной экономики, а наоборот, отрицает социальные коррективы в распределении экономических результатов труда. Таким образом, повсеместно утвердившаяся на постсоветском пространстве либеральная концепция этики рыночной экономики состоит в том, что, во-первых, в ней получает вознаграждение тот, кто работает на потребителя, а конкуренция производителей, которые действуют с целью получения максимальной прибыли, – способствует общему благосостоянию. Механизм этого содействия состоит в том, что полученные доходы позволяют расширять производство, следовательно, увеличивается общественное и индивидуальное богатство. Когда же прибыли производителей ограничиваются перераспределением среди граждан, которые не сделали внос в общественное богатство, или размеры их вноса недостаточны, тогда снижается производственная активность и уменьшаются объемы общественного богатства. Следовательно, утверждается аморальность экономических отношений. Разрушить логику этой концепции довольно сложно, особенно если учесть, что именно из-за недооценки рациональности хозяйства рухнула социалистическая экономика, в которой уравниловка в распределении продукта (размерах заработной платы) имела следствием общеэкономические потери в чрезвычайно больших размерах.

Изложенная выше идеология «манчестерского либерализма» давно преодолена внутри развитых стран и исповедуется ими лишь в международных экономических отношениях. На смену ей пришли теория и практика социальной экономики, сопровождающаяся значительным ростом не только эффективности хозяйственной деятельности, но и ее влияния на решение задач экономической этики. На наш взгляд, проблема экономической этики в трансформационной экономике может быть решена только при условии ее рассмотрения в тесной связи с теорией и практической реализацией идеи «социального общества» и «сильной социальной политики». На пути к этой цели существует много проблем, одной из которых является взаимное признание социальными группами легитимности социально-правового и имущественного статуса каждой из них. На наш взгляд, нельзя согласиться с утверждением Р. Капелюшников о незначительном влиянии легитимности приватизации государственной и коллективной собственности на морально-этические принципы хозяйствования [39]. Нелегитимность приватизации собственности – это та «заноза» в социальных отношениях и социальной памяти общества, с которой его большинство связывает собственные социальные проблемы и время от времени будет пытаться ее «вытянуть». Как отмечает Г. Явлинский, «хаотичность приватизации, отсутствие простых и четких правил, соблюдаемых всеми участниками процесса (что является обязательным элементом при оценке его результатов как справедливых и честных), запутанность и нестабильность процедур – все это, безусловно, породило в общественном сознании восприятие приватизации как несправедливой и, следовательно, подлежащей возможному пересмотру» [40]. В этой связи нельзя согласиться с мнением, что между легитимностью собственности и морально-этическими принципами хозяйствования отсутствует если не прямая, то опосредованная зависимость. Утверждения, что нелегитимное владение средствами производства обязывает их собственника вести бизнес в установленных государством этических рамках, чтобы не привлекать к себе внимания общества, что собственник, завладевший собственностью незаконно, а потому психологически может быть более склонным к альтруизму чем тот, кто завладел ею путем хозяйствования согласно принципам «протестантской этики», на наш взгляд, не имеют

достаточных оснований. Несостоятельность этих утверждений усиливается еще и тем, что избранная постсоветскими странами либеральная модель рыночного хозяйства большинством граждан если не отрицается, то считается сомнительной или спорной с моральной точки зрения как раз в связи с преимущественно незаконным характером приватизации. Признавая это обстоятельство и то, что многие проявления рыночной экономики в постсоветском исполнении могут быть подвергнуты обоснованной критике, утверждаем, что она в целом имеет этическую обоснованность, нравственность и духовные качества, превышающие этико-нравственные ценности централизованного социалистического хозяйства, что и определило его трансформационные изменения.

Доказательства нравственности рыночной экономики, как явления более высокого этического порядка, важны не только с научной точки зрения, но и в политической плоскости, так как они являются важными аргументами в обосновании этичности плюралистической демократии, являющейся политической надстройкой рыночного общества. При обосновании этих доказательств достаточно важным является ответ на вопрос – не станет ли логическим эволюционным следствием перехода к новой модели общественных отношений путь к уничтожению гуманности, солидарности и альтруизма, что стало главным аргументом морально-философского основания отрицания капитализма в марксистской теории. Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что вопреки утверждениям сторонников консервативных и традиционных либеральных взглядов, современные рыночные модели функционируют только на основе нормативного регулирования, а не как свободная, нерегулируемая «борьба всех против всех». Рынок является лишь частью общественной жизни и основывается в системном смысле на нормативном порядке, создаваемом обществом в естественном процессе объединения. Отметим, что нормативный, или, как его часто называют в научной литературе, рамочный порядок, является важнейшей формой реализации экономической этики в рыночной экономике, которая также является главным аргументом в легитимации хозяйственной деятельности. Именно на законодательном уровне признаются формы собственности и предпринимательства, порядок формирования общественных фондов, социальные программы и их реализация. Начиная от распространенной в конституциях многих стран нормы Конституции ФРН «Собственность обязывает» [41], в гражданских и хозяйственных кодексах, законах о труде, налогах и социальном обеспечении устанавливаются нормы хозяйственной деятельности, определяющие рамки, за которыми деятельность субъектов хозяйствования освобождается от этических обязанностей. Благодаря этому достигается легитимность деятельности субъектов хозяйствования и общественное согласие, являющиеся важнейшим условием длительного экономического успеха. Возможен вывод, что именно рамочное регулирование вопросов экономической этики создает условия для эффективного предпринимательства, оно же обеспечивает возможное удовлетворение социальных потребностей работников и всех граждан.

Вместе с тем постсоветский опыт показывает, что наличие законов в области экономической этики вовсе не означает автоматического обеспечения морально-этической составляющей хозяйственной деятельности. Для того чтобы это произошло, что особенно важно в условиях постсоветского правового нигилизма, нужно, во-первых, распространить рамочное регулирование социальной политики на все субъекты хозяйствования и установить общие правила, за пределами которых предприниматели получают «свободные от морали» условия хозяйствования, а работники и граждане – гарантированные стандарты удовлетворения социальных нужд. Во-вторых, следует признать, что попытки предпринимателей максимизировать прибыль, когда они осуществляются в рамочных условиях экономической этики, уже не являются привилегией, а становятся моральным долгом каждого из них, так как рост объемов и эффективности производства выгоден для всех потребителей, а сама максимизация прибыли находится в рамках этического кодекса. В-третьих, необходимо четко провозгласить, что требование к отдельному участнику рынка относительно дополнительных выплат и уступок работникам, платежей в местные или

общественные фонды равнозначна его вытеснению с рынка конкурентами и разорению. Для того чтобы эти требования превратились в этические ценности хозяйствования, нужно делать их значимыми в «правилах игры», в равной степени действительных для всех участников рынка, так как в противном случае, считают К. Хомман К. и Ф. Бломе-Дрез, моральное поведение будет наказываться, а аморальное – поощряться [1]. В-четвертых, нужно всем отдавать себе отчет в том, что нормативное регулирование ограничивает темпы развития рыночной экономики в размерах, сопоставимых с частью прибыли, перераспределенной на социальные цели. В-пятых, в рыночном обществе в нетронутым виде, с точки зрения классического либерализма, остается только конкуренция, которая является наиболее важным средством достижения этических целей хозяйствования.

Одним из преимуществ рыночной конкуренции является то, что она имеет объективную природу, возникает и приобретает новые формы в следствии естественной эволюции человека и хозяйства, а не создается политически, как это было в случае с «социалистическим соревнованием» в планово-централизованной экономике. Так как изначально конкуренция осуществляется вне рамок моральных требований к хозяйственной деятельности, она не нуждается в оправдании за эгоистические намерения предпринимателей. Ее общеэкономическим оправданием, как уже отмечалось, является то, что благодаря конкуренции создается экономический порядок, способный переработать и использовать больше знаний, чем порядок, управляемый «общими целями». В условиях конкуренции полученные доходы, в том числе и «максимальные», нужны не для благотворительности и филантропии, как полагают некоторые постсоветские олигархи, а для инвестиций в производственные инновации, а также они являются сигналом для участников рынка о наиболее эффективных нишах вложения капитала. Благодаря получению прибыли, особенно в максимальных размерах, и сохранению ее в активах предприятия также становится возможным покрытие рисков инвестиционной деятельности. По нашему убеждению, конкуренция и прибыль должны преследовать хозяйственные, а не социальные цели, их этическая оценка должна исходить из того, что именно они являются базовыми основами роста жизненного уровня в обществе. При этом следует отметить, что в экономике всегда присутствует желание выйти из конкурентной борьбы и добиться стабильности. Как известно это достигается путем монополизации производства, высокий уровень которой был достигнут в социалистической экономике. Чтобы избежать этого, необходимо децентрализовать остатки социалистических монополий и не допускать их создание во всех отраслях производства, а также стимулировать рыночную конкуренцию антимонопольным законодательством.

Признавая теоретическую обоснованность этичности рыночной конкуренции, следует отметить, что ее довольно часто игнорируют субъекты хозяйствования и государственные институты власти путем нарушения законодательно установленных норм или их неопределенности, а также лоббированию политиками интересов отдельных участников рынка. Благодаря этому во многих отраслях переходных экономик «очень мало рынка и очень мало конкурентной борьбы» [1]. Наиболее простым способом избежать конкуренции становится образование монополий, затрудняющих выход на рынок новых участников. Если иллюстрировать этот процесс примерами из хозяйственного развития Украины, то здесь следует отметить государственные монополии в нефтегазовой и каменноугольной отраслях, частные – в металлургии, электроэнергетике, внутреннем газовом и топливном рынке, внешней торговле. Многие из выкупленных предприятий (Запорожский алюминиевый комбинат, тепловозостроительный и нефтеперерабатывающий заводы в г. Луганске и другие) законсервированы, чтобы не создавать конкуренцию аналогичным производствам в Украине и РФ. Такие действия часто допускаются государством, а иногда и активно поощряются им (например, при «скупке» областных газо- и электрораспределительных сетей). Если анализировать отдельные законодательные и особенно подзаконные акты, то окажется, что государство, с одной стороны, устанавливает рамочные нормы экономической этики, а с другой – постоянно их нарушает путем протекционизма и дотаций отдельным

производствам и отраслям, установления всевозможных фискальных лицензионных правил, льгот и т. п.

Выведение тех или иных участников рынка с конкурентного поля, не зависимо от того вызвано ли оно патерналистской заботой о гражданах или о рентных доходах чиновников, не способствует росту производительности труда и эффективности хозяйствования, а значит, и общественному богатству. Поэтому крайне важно поощрять честную конкуренцию и устремления получить прибыль от предпринимательской деятельности. Чтобы добиться этого, необходимо не только законодательно установить этические обязанности бизнеса, но и добиться их выполнения. Для этого нужно, во-первых, путем контроля и принуждения внедрять нормативные правила в хозяйственную деятельность и обеспечить законность деятельности правовых и контролирующих органов по отношению к ее субъектам. Во-вторых, нормативные рамки должны быть стабильными в течение длительного времени, а их изменение должно быть публичным и распространяться на все хозяйствующие субъекты. Игнорирование этого требования будет способствовать уходу экономики в тень, что стало массовым явлением в большинстве постсоветских стран.

Известно, что рыночная конкуренция является не только двигателем экономического прогресса, но и порождает социальные проблемы – закрытие предприятий и безработицу. Особенностью этого процесса в переходных экономиках является длительная поддержка со стороны государства обанкротившихся предприятий, недостаточное развитие страхового законодательства и практик в области безработицы, а также ограниченность действенных и доступных для безработных структур профессиональной переподготовки. Существенной издержкой конкуренции также является стремление предпринимателей всеми способами, в том числе за счет заработной платы, сократить издержки производства. Чтобы противостоять этому, распространенным способом достижения удовлетворительных для работников этических стандартов хозяйствования стало их давление на работодателей в форме предупреждения о забастовках, забастовок и митингов местного и всеукраинского масштаба. Примером этого могут быть многочисленные забастовки шахтеров Донбасса в 90-х гг. прошлого и в начале XXI в., всеукраинский «майдан» предпринимателей, работающих на условиях «единого налогообложения» (2009 г.), наконец «Евромайдан» (2013–2014 гг.), толчком к началу которого стали требования европейских стандартов жизни. Несмотря на возможную краткосрочную эффективность давления «снизу», его деструктивные последствия для развития хозяйства являются безоговорочными. А учитывая то, что конфликт между работниками и работодателями имеет постоянный характер, то, безусловно, следует искать выход из постоянного противостояния, которое наносит вред всем сторонам, и ставить на путь социального партнерства.

Особенность становления социального партнерства в постсоветских странах состоит в том, что оно происходит в условиях чрезвычайно высокого уровня имущественного расслоения общества и сохранения патерналистских настроений в большинстве социальных групп. В частности, работники, как важнейшая сторона в социальном партнерстве, преимущественно имеют ложное, не учитывающее уровень экономических возможностей, требование установления социальных стандартов на уровне передовых стран. Но так как этого не происходит, а распространением знаний об этико-нравственной составляющей хозяйственной деятельности и путях ее достижения в переходный период никто не занимается, да и сами эти знания недостаточно сформулированы, в среде наемных работников трансформируются протестные настроения и действия, которые наносят вред социальному партнерству и тормозят темпы экономического развития. Тем не менее, медленно, но процесс его становления происходит. Проиллюстрируем выдвинутый тезис на примере становления социального партнерства в ряде постсоветских стран. В Российской Федерации, опыт которой получил распространение в других постсоветских странах, с учетом опыта Международной организации труда (МОТ) в деле социального партнерства, Указом Президента РФ (№ 212, 15.11.1991 г.) «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров, конфликтов», а также Законами «О профессиональных союзах, их правах и

гарантиях деятельности» (12.01.1996 г.) и «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» (1.05.1999 г.) была заложена нормативная база социального партнерства на принципе трипартизма. Согласно перечисленным нормативным документам, субъектами социального партнерства были названы государство, отстаивающее в социальном партнерстве свои интересы как собственника субъектов хозяйствования и интересы общества в целом, собственники предприятий и их объединения, отстаивающих эгоистические интересы бизнеса, и профсоюзы, представляющие интересы наемных работников. Вместе с тем, названные федеральные нормативные акты, отмечает А. Любимова, скорее были не столько базой социального партнерства работников и работодателей, сколько механизмом решения конфликтов в сфере трудовых отношений, постоянно возникающих между ними, многие из которых, имея отраслевой характер, приобретали федеральное значение [42]. Стоит вспомнить хотя бы забастовки шахтеров Кузбасса в 1992–1999 г., которые вскрыли «социальную пропасть», с одной стороны, между интересами государства-собственника и частных владельцев шахт и угольных разрезов, а с другой – шахтеров. Как известно, государство в лице «Росугля» при поддержке органов местной власти, а также «Независимого профсоюза горняков» и «Росуглесоюза», которые больше заботились укреплением влияния на шахтеров, чем результатами их борьбы» [43], без особых церемоний закрыли несколько даже рентабельных шахт и тем самым положили конец забастовкам горняков [44, с. 254]. Подобные формы социального протеста наблюдались и в Украине. Согласно данным независимого профсоюза шахтеров Западного Донбасса выдвижению ультимативных протестных требований всегда предшествовало их обсуждение с работодателями и местными властями. После того как они не находили поддержки шахтеры предупреждали о забастовке, а после – переходили к самим забастовкам. Показательно, что рабочие отказывались от услуг старых профсоюзов, не выполнявших защитные функции, и создали независимый профсоюз, численность членов которого постоянно растет и по состоянию на начало 2014 г. составляет около 12 тыс. человек [45].

Решение социальных вопросов при отсутствии действенного социального диалога между партнерами подталкивало государственные учреждения РФ к дальнейшему совершенствованию нормативной базы социального партнерства. В частности, в 2002 г. был принят Трудовой кодекс РФ, разделом 2 которого («Социальное партнерство») устанавливалась многоуровневая система социального партнерства (шесть уровней и семь видов сделок) [46]. Этой же цели служило принятие Закона «Об объединениях работодателей» (27.11. 2002 г.), вступившего в действие в период дальнейшего развития профсоюзного движения путем его обновления за счет создания независимых союзов и отказа от услуг старых, по старинке выполняющих роль «тroyанского коня» в социальных акциях работников. Наличие традиционных и независимых профсоюзов – это не случайное явление, которое объясняется тем, что главной сохранившейся и поддерживаемой государством традицией старых профсоюзов является их угодничество власти и частному бизнесу. Поэтому при поддержке государства во всех постсоветских странах старые профсоюзы сохранили свои позиции в сфере регулирования социальных отношений. К примеру, в РФ в 2003 г. было 122 профессиональных союза, объединенных в Федерацию *независимых* профсоюзов России с более чем 50 млн. членов, или 88,5 % работников субъектов хозяйствования всех форм собственности [48]. Наличие в названии профсоюза термина «*независимый*» является лишь попыткой постсоветской профсоюзной элиты приравнять возглавляемые ею союзы к действительно независимым профсоюзам, не исповедующим идеологию конформизма.

Как и в случае с экономической этикой, создание нормативной базы социального партнерства отнюдь не означает ее практической действенности. Как отмечалось в выступлениях участников Международной научно-практической конференции «Перспективы развития института трипартизма в России» (2007 г.) «партнерские отношения между профсоюзами и владельцами предприятий складываются не просто. В лучшем случае

предприниматели терпят «послушные» профсоюзы, но решительно против независимых, которых насчитывается около 80». Согласно мнению генерального директора Координационного совета объединений работодателей России С. Луконина, обнародованного на конференции, особенностью социального партнерства в РФ является то, что оно реализуется через систему отраслевых тарифных, региональных трехсторонних соглашений и коллективных договоров, нормы которых, как правило, превышают минимальные социальные стандарты, гарантируемые государством. Поэтому при их заключении предприниматели должны исходить из баланса между экономической целесообразностью и социальной приемлемостью ведения бизнеса. В связи с такой позицией работодателей в отраслевых соглашениях, а тем более в коллективных договорах не выдерживаются стандарты генеральных и отраслевых соглашений федерального уровня, а на 14 % предприятий, где действуют первичные профсоюзные организации, коллективные договоры вообще не заключались [47]. Подобная ситуация характерна для всех предприятий малого и большинства предприятий среднего бизнеса, в которых вообще отсутствуют какие-либо проявления организованного социального партнерства.

Первой особенностью становления и современного состояния российской модели социального партнерства, характерной и для других стран СНГ, является традиционно большая, определяющая в нем роль государства. Вторая – состоит в его распространении лишь на национальном и отраслевом уровнях, тогда как значительная часть субъектов хозяйствования выведена предпринимателями из под его влияния. Третья заключается в том, что государство уходит от ратификаций МОТ в области принципов социального диалога, защиты труда и социального обеспечения работников. Поэтому в сфере социального партнерства во многих случаях действуют советские нормы социально-трудовых и экономических отношений, которые в новых условиях распространились на доминирование в нем интересов не только государства, как это было в советский период, но и частных владельцев предприятий. Интересы же третьего партнера – работников, как и в предыдущий период, представляются профсоюзами, ограниченные права которых и отмеченный выше конформизм делают это партнерство малоэффективным. Следует согласиться с российским экономистом М. Волгиным, что «сегодня вряд ли можно говорить об истинном эффективном социальном партнерстве. Скорее речь пока идет о глубоких противоречиях между трудом и капиталом, в центре которых – оплата труда» [48, с. 68].

Исследование становления социального партнерства в постсоветской Молдове стало темой диссертационной работы социолога Д. А. Шандору, отмечающего, что «игнорирование социальной компоненты развития коренным образом изменило ситуацию на рынке труда Молдовы и вызвало такие феномены, как безработица, бедность, отсутствие равных возможностей в реализации права на труд, резкая поляризация населения по уровням доходов, формирование новых слоев населения с новыми ценностными установками и, как следствие – обострение социальных отношений». Начало становлению социального партнерства положили принятые в 1992 г. Декреты Президента РФ «О создании совместной комиссии «Правительство-Профсоюзы», «О создании трехсторонней Комиссии для регламентирования социально-экономических проблем» и «О правах профсоюзов в сфере социального партнерства». Согласно выводам диссертанта, в республике была создана «устойчивая, многоуровневая система регулирования социально-трудовых отношений на принципах социального партнерства», которая «соответствует общему направлению развития РФ по либерально-демократическому варианту Западной Европы». По нашему мнению, Д. А. Шандору преувеличивает роль и желание старых профсоюзов отстаивать интересы работников в социальном диалоге и в трехсторонних переговорах, которые, как и в других постсоветских республиках, занимают или достаточно умеренную, или коллаборационистскую позицию. Об этом, в частности, свидетельствует неудовлетворительная практика заключения коллективных договоров, как важнейшего мероприятия социального партнерства. К примеру, в 2011 г. ими было заключено 10 коллективных договоров на национальном уровне, 18 – на отраслевом, 8 – на

территориальном уровнях и лишь 930 коллективных договоров – на уровне предприятий, что составляет менее трети субъектов хозяйствования с наемной рабочей силой, в которых действовали первичные профсоюзные организации [49]. Несмотря на противоречивый характер отдельных выводов названного исследования, следует согласиться с теми, которыми автор обосновывает «постепенное ослабление в социальном партнерстве роли государства», «расширение сферы использования тарифной автономии», необходимость создания системы подготовки кадров для участия в социальном партнерстве и ратификации парламентом республики соответствующих конвенций МОТ.

Как отмечается в Аналитической записке Национального института стратегических исследований при Президенте Украины «Основные направления совершенствования системы социального партнерства в Украине», основной сферой реализации социального партнерства в нашей стране также является сфера социально-трудовых отношений, а его ключевым элементом – социальный диалог [50]. Для этого созданы необходимые институциональные предпосылки, к которым следует отнести: Генеральное соглашение между Кабинетом Министров Украины и Федерацией профсоюзов Украины (ФПУ) 1995 г.; Законы «О социальном диалоге в Украине» (2010 г.) и «Об организациях работодателей, их объединениях, правах и гарантиях деятельности» (2012 г.). В этом ряду следует также назвать учреждение представительских органов социальных партнеров – Национальную службу посредничества и примирения, созданную в 1998 г., и Национальный трехсторонний социально-экономический совет, начавший деятельность в 2011 г. Что же касается нормативного закрепления социального партнерства, то оно ограничивается постановлением Верховной Рады от 1996 года о необходимости доработки законопроекта «О социальном партнерстве», которое так и не было выполнено. Наличие институциональных предпосылок, отмечают авторы названной аналитической записки, пока не позволяет преодолеть формальный характер социального партнерства и не оказывает существенного влияния на улучшение социальной ситуации и снижение уровня социальной напряженности в стране, который достаточно высок и имеет тенденцию к постоянному росту. Так, согласно данным Национальной службы посредничества и примирения (НСПП) в сфере социально-трудовых отношений, только за первый квартал 2010 г. уровень конфликтности характеризовался следующими цифрами: зафиксировано 160 коллективных трудовых споров, 26 забастовок и 48 акций социального протеста. С целью улучшения состояния социально-трудовых отношений НСПП смогла предотвратить возникновение коллективных трудовых споров (конфликтов) на 801 предприятии. На протяжении января-марта 2011 г. на учете НСПП находилось 385 случаев дестабилизации состояния социально-трудовых отношений, из которых 107 были урегулированы. Состоялось 13 акций социального протеста и 3 коллективных прекращения работы, в которых приняли участие около 16 тыс. наемных работников. Было зафиксировано 489 факторов дестабилизации, из которых ликвидировано (устранено) – 130 (26,6% от общего количества); находились в стадии ликвидации – 334 (68,3%) и привели к возникновению коллективных трудовых споров (КТС) – 25 (5,1%) [51]. Основными причинами, которые могли бы заставить граждан принять участие в законных акциях протеста (митингах, демонстрациях, пикетировании) является значительное повышение цен на самое необходимое – 42,5 %, невыплата зарплат – 34,2 %, низкий уровень заработной платы – 29,2 %, массовое сокращение рабочих мест – 26,9 % [50]. Такие показатели социальной неудовлетворенности граждан Украины, характерные для всего трансформационного периода, способствовали возникновению «Евромайдана», с трибуны которого неоднократно звучали призывы к Всеукраинской забастовке.

Утверждая, что одной из важнейших причин низкого уровня жизни граждан в постсоветских республиках являются их патерналистские ожидания, следует отметить, что постепенно в сознании граждан утверждается стереотип, что достижение высоких жизненных стандартов связано не с благотворительностью, а с высокой трудовой активностью. Если в упоминавшейся аналитической записке более половины граждан (57 %) считает ответственным за материальное благополучие граждан и социальную

справедливость в экономических отношениях государство, то согласно исследованию Е. В. Виноградовой и И. М. Козиной, почти такая же их часть (43 %) придерживается мнения о частичном совпадении интересов работников и работодателей и считает возможным социальный диалог и партнерство в поиске компромисса в вопросах заработной платы и распределения прибыли. Правда, ментальный конформизм и низкий уровень социальной солидарности работников, доминирование в социально-трудовой сфере «клиентских» отношений между работниками и владельцами, считают названные исследователи, исключают как партнерство сторон, так и существенно ограничивают возможности социального диалога [52, с. 38–39].

Социальное партнерство в Украине страдает от участия в нем старых профсоюзов, которые на протяжении десятилетий нарабатывали опыт конформистского сотрудничества с администрациями и собственниками предприятий. Согласно данным социологических опросов, приведенным в вышеупомянутой аналитической записке, профсоюзам доверяли только 22,7 % украинцев в июне 2008 г. и 31,6 % – в августе 2010 г. Вместо отстаивания в социальном диалоге интересов работников, и создания совместного представительского органа на национальном уровне (СПО)*, многочисленные профсоюзные объединения (официальная ФПУ и независимые Национальный форум профсоюзов Украины, Национальная конфедерация профсоюзов Украины, Конфедерация свободных профсоюзов Украины) на протяжении всего трансформационного периода преимущественно заняты конкурентной борьбой за членов и приватизацию профсоюзного имущества. И хотя, объективно, государство должно быть заинтересовано в наличии сильных и независимых профсоюзов, уравнивающих эгоистические интересы работодателей, участие его представителей в бизнесе приводит к отстранению таких профсоюзных организаций от участия в социальном партнерстве на законодательном уровне. В частности, в статье 6 Закона «О социальном диалоге в Украине» приведены критерии репрезентативности участников диалога, согласно которым на его национальном уровне могут принимать участие только всеукраинские профсоюзные объединения с числом участников не менее 150 тыс. [53]. А так как независимые профсоюзы до настоящего времени организованы только на отраслевом уровне, то и принять участие в социальном диалоге на национальном уровне они не могут. Такая позиция работодателей, поддержанная законодателем, является следствием низкого уровня социального сознания новой буржуазии, рассматривающей конституционный лозунг развитых стран «Собственность обязывает» только через призму благотворительности и меценатства, а не как постоянный социальный долг с работниками и обществом. Как и в других постсоветских странах, «праздник класс» Украины предпочитает инвестированию в производство получаемых доходов «проедание» и накопление, что становится постоянной тенденцией хозяйствования, основанного на частной собственности. И. Валлерстайн отмечал: «Бог капиталистов требует от буржуа, чтобы он целиком посвятил себя накоплению. Он наказывает тех, кто нарушает эту заповедь, рано или поздно обрекая их на банкротство. Однако заниматься всю жизнь только накоплением не слишком весело. Иногда хочется и воспользоваться плодами накопления. Так демон «феодално-аристократической» бездеятельности, затаившийся в духе буржуа, вырывается на свободу – буржуа искушается прелестями «благородной жизни»... Таким образом, то, что представляется «естественным», то, к чему оказывается «стремящимся» любой привилегированный участник капиталистического мира, – это не переход из состояния

* 8 сентября 2009 г. более 50 всеукраинских независимых профсоюзов (3,5 млн членов) создали Национальный Совместный представительский орган профсоюзов и профсоюзных объединений. А 24 сентября 2009 г. по инициативе официальной ФПУ, в противовес уже созданному, был учрежден другой Совместный представительский орган всеукраинских профсоюзов и профсоюзных объединений. Если СПО, созданный независимыми профсоюзами, не был признан стороной работодателей, то СПО, созданный ФПУ, был признан, так как объединенные в ней представители союзов, как и их лидеры, являются давними и выгодными партнерами работодателей.

рантье к состоянию предпринимателя, а как раз наоборот. Капиталисты не хотят становиться буржуа. Их внутренний выбор – быть «феодалными аристократами» [54]. В связи с этим апелляции к сознанию предпринимателей могут иметь лишь незначительный эффект и не в состоянии заменить обязательных решений, принятых на законных основаниях социальными партнерами.

Усилению социальной ответственности частных собственников могло бы способствовать совершенствование статьи 12 Конституции Украины путем замены новеллы «Собственность обязывает. Собственность *не должна* использоваться во вред человеку и обществу» на новеллу – «Собственность обязывает. Собственность *должна* использоваться на пользу человеку и обществу». К сожалению, ни в Законе Украины «Об организации предпринимателей», принятого в 2001 г., ни в его новой редакции 2012 г., кроме того, что организации предпринимателей «признают профсоюзы» и взаимодействуют с ними «на принципах социального диалога», других социальных обязательств бизнеса перед обществом и трудовыми коллективами законодатель не ставит [55]. На наш взгляд, нуждаются в усовершенствовании и законы в области регулирования социального партнерства. В частности, это касается статьи 13 Закона Украины «О социальном диалоге», устанавливающей, что Национальный трехсторонний социально-экономический совет может принимать совместные решения, даже если за него проголосовало меньшинство одной из сторон социального диалога, а принятые органами социального диалога совместные решения не являются обязательными для исполнения органами государственной власти. Этим же законом не устанавливается ответственность сторон за невыполнение Генерального соглашения между правительством и ФПУ, а также, вопреки Рекомендации № 91 Международной организации труда (МОТ), не предусматривается распространение Генерального и отраслевых соглашений на предприятия, не принимающие непосредственное участие в коллективно-договорном процессе [53]. Нуждается в усовершенствовании и Закон Украины «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)». Прежде всего это касается упрощения громоздких процедур разрешения трудовых конфликтов и статей, регламентирующих проведение забастовок, так как законное проведение забастовки в пределах нормативного поля, определенного этим законом, практически невозможно [56]. Как и в других постсоветских республиках, в Украине наблюдается индифферентность государства в вопросе «выравнивания» социального диалога в интересах наемных работников как более слабой стороны. Такая позиция государства обусловлена трипартистской моделью социального партнерства, в которой государство, с одной стороны, вынуждено отстаивать интересы всех сторон социального диалога, а с другой – только работодателей, крупнейшим из которых оно само является.

Отличительные особенности в становлении постсоветской модели экономической этики наблюдаются в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Азербайджане, Казахстане, на общественные отношения и хозяйственное развитие в которых, большое влияние оказывает исламистская религиозная идеология. Как отмечается в статье Ф. Алиева «Взаимоотношения этики и экономики в исламской экономической модели», отличительной особенностью исламской экономики является преобладающая роль этики во всех хозяйственных взаимоотношениях. Если в западной экономике этические принципы, пишет он, имеют прикладной характер, то в исламской «каждая деятельность рассматривается в контексте ее соответствия этике ислама». При этом нравственность конкуренции строится «на осознании и вере в Божью справедливость, проявление которой неизбежно...» [57]. Подобные выводы сделаны также в монографии Г. Ф. Нуруллиной «Исламская этика бизнеса», отстаивающей мнение, что модели хозяйствования в разных странах складываются под влиянием мировоззренческих ценностей, особенно в странах распространения ислама [58, с. 4–5]. Несмотря на попытки названных авторов обосновать особенное содержание экономической этики и социального партнерства (мусульманского братства) в мусульманской экономической модели, по нашему мнению, они являются ничем иным, как прикрытием «азиатского способа производства», эффективность которого на протяжении веков

определялась не инновациями, а жесткой эксплуатацией работников. Если сравнить основные принципы хозяйственного устройства вышеназванных стран, то мы найдем здесь, особенно на периферийном пространстве, многие характеристики, определенные для этого способа производства еще К. Марксом. Это эксплуатация дешевой рабочей силы, массовые государственные повинности, эксплуатация посредством коллективов, государственный контроль основных средств производства и авторитарный политический строй. Незрелость экономической и социальной структуры общества в этих странах позволяет провозглашать идеи религиозно-социального равенства, скрывающие низкий уровень жизни большинства населения и отсутствие или зачаточное состояние общественных институтов. К примеру, в Туркмении провозглашено о построении «национального бесклассового общества нового типа, не имеющего аналогов в исторической ретроспективе и современном мире, организм которого трансформируется в справедливое, правовое общество всеобщего благоденствия, в котором все будет подчинено благополучию и процветанию человека». Эта идеологическая сентенция базируется на равном распределении среди населения определенной части рентных доходов, получаемых от импорта 60 млрд м³ газа и 10 млн т нефти (2012 г.), значительную часть которых благодаря коррупционным механизмам присваивает себе туркменская элита. Когда речь заходит о туркменском «бесклассовом обществе» с бесплатной солью, газом, льготными ценами на хлеб, бензин и кредиты, не стоит забывать, что по индексу коррумпированности в 2012 г. Туркмения занимала 170-е место из 176, то есть хуже, чем Ирак, Конго, Зимбабве [59]. Очевидно, что ни о какой экономической этике и социальном партнерстве в этой стране, где сфера их влияния подменяется регулированием согласно религиозных норм, речи идти не может. Следует согласиться с М. Калишевским, что за туркменским лозунгом «национального бесклассового общества» скрывается «диктатура, которая сочетает в себе черты коммунистических и националистических диктатур в странах третьего мира и древних восточных деспотий, уступающая по степени террористического контроля над обществом разве что «чуждейскому» государству КНДР» [60]. В меньшей, но значительной степени подобное состояние с имплементацией «чуждых» идей социального хозяйства присуще и другим исламистским странам. На наш взгляд, на современном этапе развития постсоветских стран, которые в начале XX в. «пришли к социализму, минуя капитализм», становление норм экономической этики находится в зачаточном состоянии и является возможным не столько вследствие внедрения в хозяйственную практику моральных норм исламского религиозного учения, сколько с их включением в глобализационные процессы хозяйственного и общественного развития.

Осуществленный анализ нормативных актов и практики становления новых моделей экономической этики и социального партнерства в постсоветских республиках свидетельствует об их неполном соответствии задачам современных хозяйственных стратегий. Более успешно проблемы их имплементации в хозяйственное развитие решаются в странах Балтии, ратифицировавших нормативные акты Европарламента и руководствующихся директивами Европейской комиссии в области социального диалога.

Под давлением социальных проблем в Украине, РФ, Молдове разработаны нормативные документы и созданы органы в области социального партнерства, налаживающего его на основе принципов трипартизма. Однако с целью совершенствования его существующей модели нужно законодательно установить равенство сторон социального партнерства (диалога), обязательность принятия его органами совместных решений на основе согласия сторон. Таким же важным является предоставление государству преимущественного права в случае принятия органами социального партнерства стратегических социально-экономических решений. Это право должно сочетаться с обязанностью выполнения соответствующими органами государственной власти решений, принятых органами социального диалога. Необходимо также предоставить дополнительные полномочия профсоюзам в сфере защиты интересов наемных работников и ведения социального диалога. В частности, это касается упрощения требований к созданию новых профсоюзов, обязательного согласования с профсоюзами решений, касающихся изменений

условий труда, увольнения или сокращения работников.

Перечисленные требования к социальному партнерству достаточно известны в современной рациональной стратегии хозяйствования. Однако, если нашей целью есть создание хозяйства, в котором главной движущей силой выступает не экономическая, а духовно-творческая личность, способная обеспечить высокий уровень социально-экономического развития при сохранении внешней и внутренней среды, то мы должны признать, что повсеместно внедряемая трипартистская модель социального партнерства нуждается в существенном совершенствовании, а с достижением подлинной социализации экономических отношений – в отмене. Ее совершенствование должно осуществляться путем ратификации и практического использования ценностных достижений в области социально-трудовых отношений, обобщенных в конвенциях МОТ и директивах Европейской комиссии. В частности следует имплементировать в хозяйственные стратегии постсоветского развития ценностно-гуманистическое содержание европейской социальной модели, состоящей в пропорциональном экономическом и социальном развитии; особом внимании к инновациям в экономике, основанной на знаниях; активной политике занятости; высоком уровне жизни; равенстве, солидарности и субсидарности; социальном диалоге и социальной активности; открытости и включении в социальный диалог всех заинтересованных граждан [61]. Если учесть, что постсоветские страны стоят перед выбором либо «исторического прорыва», либо постоянной отсталости, то все три стороны – социальные партнеры должны переходить от сиюминутной выгоды к ориентации на долговременную перспективу, от надежд на помощь других стран, учреждений и организаций к надеждам на собственные силы и от представительской демократии к демократии партипассивной, открывающей неограниченные возможности социального единства.

Список использованных источников.

1. Хомман К. Экономическая этика и этика предпринимательства [Электронный ресурс] / Хомман К., Бломе-Дрез Ф. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/22_h/hom/an1.htm. – Название с экрана.
2. Козловски П. Принципы этической экономии / Козловски П. – СПб. : Экономическая шк., 1999. – 346 с.
3. Козловски П. Социальное рыночное хозяйство: социальное уравнивание капитализма и всеобщность экономического порядка (о концепции Альфреда Мюллер-Армака) / Козловски П. // В кн. : Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии / под. ред. Автономова В. С. – СПб. : Экономическая школа, 1999. – С. 78.
4. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода [Электронный ресурс] : монография / Хайек Ф. – М. : ИРИСЭН : Мысль, 2006. – 648 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/fil4e/946212>. – Название с экрана.
5. Сутор Б. Политическая этика [Электронный ресурс] / Сутор Б. ; [пер. с нем. Р. И. Соколова, А. Шумаван] // Полис (Политические исследования). – 1993. – № 1. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii4_Polisa/S/1993-1-8-Sutor-Politicheskaya_etika.pdf. – Название с экрана.
6. Эрхард Людвиг. Благосостояние для всех [Электронный ресурс] / Эрхард Людвиг. – Режим доступа: <http://www.vixri.ru/d/Erhard%20Ljudvig%20Blagosostojanie%20dlja%20vsex.pdf>. – Название с экрана.
7. Маслікова І. І. Економічна етика в сучасних процесах раціоналізації господарства [Електронний ресурс] : дис. ... канд. філос. наук за спец. 09.00.07 / Маслікова І. І. ; Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2005. – Режим доступу: <http://disser.com.ua/content/137814.html>. – Назва з екрана.
8. Масюк О. Міфологеми соціального партнерства [Електронний ресурс] / Масюк О. – Режим доступу: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=1&n=83&c=2034>. – Назва з

екрана.

9. Ляшенко Т. М. Соціальне партнерство як фактор політичної та соціальної стабільності в Україні : автореф. дис. ... канд. політ. наук за спец. 23.00.02 / Ляшенко Т. М. ; НАН України, Ін-т політ. і етнонац. дослідж. – К., 1998. – 18 с.

10. Задорожний Г. В. Социальное партнерство – реальный путь к открытому обществу / Задорожний Г. В., Коврига О. В., Смолоник В. В. – Х. : ХИБМ, 2002. – 192 с.

11. Задорожний Г. В. От догматического экономизма к спасительному человеческому хозяйствованию / Задорожний Г. В. // Социальная экономика. – 2011. – № 2. – С. 5–22.

12. Задорожний Г. В. Глобализирующееся знаниеемное хозяйство: проблемы ренты и квазиаренды : монография / Задорожний Г. В., Кацуба А. В. – Х. : Точка, 2013. – 236 с.

13. Гальчинський А. За межами капіталізму / Гальчинський А. // Економіка України. – 2011. – № 9. – С. 4–16.

14. Задорожний Г. В. Трансперсональная психология, духовный мир человека и социальная экономия как новая парадигма экономической науки / Задорожний Г. В. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 39 с.

15. Бальцерович Л. Навстречу ограниченному государству : [пер. с англ.] / Бальцерович Л. – М. : Новое изд-во, 2007. – 92 с.

16. Буздуган Ю. Постіндустріальна система України (Неефективна економіка) / Буздуган Ю. – К. : вид-во «Софія», 1999 – 160 с.

17. Ослунд А. Строительство капитализма: рыночная трансформация стран бывшего советского блока / Ослунд А. – М. : Логос, 2011. – 720 с.

18. Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу / за ред. Е. М. Лібанової. – К. : Ін-т демографії та соц. дослідж. ім. М. В. Птухи НАН України, 2012. – 404 с.

19. Коэффициент Джини (Джинни) [Электронный ресурс] / Россия и Америка : веб-сайт. – Режим доступа: http://rus-usa.ucoz.ru/index/metody_analiza/0-14. – Название с экрана.

20. Клаувэрт С. Влияние социальных партнеров Европейского Союза на разработку трудового права Европейского Союза / С. Клаувэрт ; пер. А. В. Плих // Правоведение. – 2002. – № 1 (240). – С. 98–116.

21. IV съезд профсоюза работников угольной промышленности Украины [Электронный ресурс] // Селидовская ПРАВДА : веб-сайт. – Режим доступа: http://selidovo.ucoz.ua/news/iv_sezd_profsojuz_a_rabotnikov_ugolnoj_promyshlennosti_ukrainy/2013-09-23-151. – Название с экрана.

22. Среднемесячная зарплата по регионам Украины в 2013 году [Электронный ресурс] // Кредит. Депозит : веб-сайт. – Режим доступа: <http://www.creditdeposit.com.ua/avgsalary>. – Название с экрана.

23. Задорожний Г. В. Иначе возможное как сотворчество человечности (размышления о главном в связи с кризисом экономической науки). / Г. В. Задорожний. – Полтава : Скайтек, 2011. – 259 с.

24. Сулакшин С. С. Крупнейшие российские компании. Эволюция и проблемы : монография / Сулакшин С. С., Колесник И. Ю. – М. : Науч. эксперт, 2009. – 104 с.

25. Кудрин А. Л. В России происходит «ползучая деприватизация» [Электронный ресурс] / А. Л. Кудрин. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/business/2012/12/18/1073073.html>. – Название с экрана.

26. Названы естественные монополии Украины [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. – 2010. – 23 фев. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/business/1050280>. – Название с экрана.

27. Глазьев С. Ю. Рента – неиспользованный резерв роста [Электронный ресурс] / Глазьев С. Ю. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/economy/renta-neispolzovannyj-rezerv-rosta>. – Название с экрана.

28. Инфляция в странах СНГ снизилась до 4,7 % [Електронний ресурс] // Газета «Нова година» : веб-сайт. – Режим доступу: <http://ng.pl.ua/2011/06/05/ynflyatsyya-v-stranah-snh-snyzylas-do-47>. – Назва з екрана.

29. Україна у цифрах у 2012 році : стат. щорічник. – К. : Держ. служба статистики, 2013. – 248 с.
30. Природная рента в экономике России / Кузык Б. Н., Агеев А. И., Волконский В. А., Кузовкин А. И., Мудрецов А. Ф. – М. : Ин-т экон. стратегий, 2004. – 189 с.
31. Розвиток сектора чорної металургії в Україні / в надзаг.: Світовий банк. – К. : Міленіум, 2004. – 110 с.
32. Осадчая И. Природная рента, сверхприбыли нефтяных монополий и государство [Электронный ресурс] / Осадчая И. // Наука и жизнь. – 2004. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/4196>. – Название с экрана.
33. Уровень и качество жизни в постсоветских странах [Электронный ресурс] / Валерий Безрутченко // Портал madan.org.il. – 2011. – 27 сентяб. – Режим доступа: <http://madan.org.il/node/5299>. – Название с экрана.
34. В странах СНГ 42 миллиона человек находятся за чертой бедности [Электронный ресурс] // Mauer Group : веб-сайт. – Режим доступа: <http://mauer.wffw.info/?p=15687>. – Название с экрана.
35. Per capita gross domestic product (GDP) in the European Union in current prices from 2002 to 2012 (in euros) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.statista.com/statistics/253479/gdp-growth-in-the-eu-and-the-euro-area-compared-to-same-quarter-previous-year>. – Title from display.
36. Справедливость социальная. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1151/%D0%A1%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%95%D0%94%D0%9B%D0%98%D0%92%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC. – Название с экрана.
37. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru>. – Название с экрана.
38. Платная медицина в России вытесняет бесплатную [Электронный ресурс] // Пермское краевое отделение КПРФ : веб-сайт. – Режим доступа: <http://kprf.perm.ru/golospartii/analitika/platnaya-meditsina-v-grossii-vyitesnyayet-besplatnuyu>. – Название с экрана.
39. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? [Электронный ресурс] / Капелюшников Р. // ПОЛИТ.РУ : веб-сайт. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2008/03/27/sobstv>. – Название с экрана.
40. Явлинский Г. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы / Явлинский Г. // Вопросы экономики. – 2007. – № 9. – С. 4–26
41. Основной закон Федеративной Республики Германии : от 23 мая 1949 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru. – Название с экрана.
42. Любимова Е. А. Становление социального партнерства в современной России [Электронный ресурс] : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Любимова Е. А. – Тюмень, 2000. – 163 с. // disserCat : электронная б-ка дис. и автореф. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-sotsialnogo-partnerstva-v-sovremennoi-grossii#ixzz2pz0cWJk9>. – Название с экрана.
43. Соловенко И. С. Забастовка как форма протеста шахтеров Кузбасса во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.) [Электронный ресурс] / Соловенко И. С. – Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4383-----19921999->. – Название с экрана.
44. Борисов В. А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–1999 гг.) / Борисов В. А. – М. : ИСИТО, 2001. – 416 с.
45. Областное объединение Независимого профсоюза горняков Украины Западного Донбасса [Электронный ресурс] // Областное объединение независимых профсоюзов горняков Украины западного Донбаса : веб-сайт. – Режим доступа:

http://npgu.org.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=2&Itemid=8. – Название с экрана.

46. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят 30.12.2001 г., № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2013). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156601. – Название с экрана.

47. Российская модель социального партнерства: перспективы развития [Электронный ресурс] // «Человек и труд» Журнал для профессионалов : веб-сайт. – Режим доступа: <http://chelt.ru/2007/4-07/stol407.html>. – Название с экрана.

48. Волгин Н. А. Цена рабочей силы в инновационной экономике России: воспроизводственный подход / Волгин Н. А. // Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии : Пятая междунар. науч. конф., 18–20 апр. 2012 г. : сб. статей / под общ. ред. В. П. Колесова, Л. А. Тутова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : МГУ им. Ломоносова. – М. : ТЕИС, 2012. – Т. I. – С. 67–79.

49. Шандру Д. А. Становление и развитие социального партнерства в Республике Молдова на современном этапе [Электронный ресурс] / Шандру Д. А. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-382814.html>. – Название с экрана.

50. Основні напрями вдосконалення системи соціального партнерства в Україні. Аналітична записка [Електронний ресурс] // Національний інститут стратегічних досліджень при Президенті України : офіц. веб-сайт. – Режим доступу: <http://www.niss.gov.ua/articles/718>. – Назва з екрана.

51. Інформація про результати діяльності Національної служби посередництва і примирення за 1 квартал 2011 року [Електронний ресурс] // Національна служба посередництва і примирення : офіц. веб-портал. – Режим доступу: http://nspp.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=1816:-1-2011-&catid=13:2010-01-19-21-48-27&Itemid=9. – Назва з екрана.

52. Виноградова Е. В. Отношения сотрудничества и конфликта в представлении российских работников / Виноградова Е. В., Козина И. М. // Социс. – 2011. – № 9. – С. 30–40.

53. Про соціальний діалог [Електронний ресурс] : Закон України від 23.12.2010 № 2862-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 28, ст. 255. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2862-17>. – Назва з екрана.

54. Валлерстайн Иммануил. Маркс и история: плодотворное и неплодотворное прочтение [Электронный ресурс] / Валлерстайн Иммануил. // Из кн. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибара и И. Валлерстайна. – Режим доступа: <http://avtonom.org/old/lib/theory/wallerstein/marx-history.html>. – Название с экрана.

55. Про організації роботодавців, їх об'єднання, права і гарантії їх діяльності [Електронний ресурс] : Закон України від 22.06.2012 № 5026-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 22, ст. 216. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5026-17>. – Назва з екрана.

56. Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів) [Електронний ресурс] : Закон України // Відомості Верховної Ради України. – 1998. – № 34, ст. 227. – Режим доступу: <http://www.ucipr.kiev.ua/publications/1587>. – Назва з екрана.

57. Алиев Ф. Взаимоотношение этики и экономики в исламской экономической модели [Электронный ресурс] / Алиев Ф. // Ислам в современном мире. – 2010. – № 1–2 (17–18). – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2028>. – Название с экрана.

58. Нуруллина Г. Ф. Исламская этика бизнеса / Г. Ф. Нуруллина. – М. : Умма, 2004. – 112 с.

59. Волков В. Уровень коррупции в Туркменистане один из самых высоких в мире [Электронный ресурс] / Волков В. – Режим доступа: <http://www.chrono-tm.org/2013/07/uroven-korruptsii-v-turkmenistane-odin-iz-samyih-vyisokih-v-mire>. – Название с экрана.

60. Калишевский М. Туркменистан: Из «Золотого века» в «Эпоху Великого Возрождения» [Электронный ресурс] / Калишевский М. – Режим доступа:

<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=13867572600>. – Название с экрана.

61. Малиновска С. Европейская социальная модель: ее значение и масштаб [Электронный ресурс] / Малиновска С., Жуковски М. – Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page25976.html>. – Название с экрана.

УДК 334.012.4; 334.7

Важнейшим условием успешной стратегии постсоциалистического хозяйства является сбалансирование противоречий между рациональным характером экономики и естественным стремлением личности к неограниченному потреблению. Предложенная статья посвящена осмыслению именно такого баланса, в котором максимальное удовлетворение материальных и, особенно, духовных потребностей граждан сохраняло бы условия эффективного хозяйствования и создавало предпосылки для его вхождения в глобальную «мир-экономику» на условиях равного партнерства.

Ключевые слова: экономическая этика, социальное партнерство, постсоветское хозяйство, трансформационные реформы, социальная политика, рента

Найважливішою умовою успішної стратегії постсоціалістичного господарства є збалансування протиріч між раціональним характером економіки і природним прагненням особистості до необмеженого споживання. Запропонована стаття присвячена осмисленню саме такого балансу, в якому максимальне задоволення матеріальних і, особливо, духовних потреб громадян зберігало б умови ефективного господарювання і створювало передумови для його входження в глобальну «світ-економіку» на умовах рівного партнерства.

Ключові слова: економічна етика, соціальне партнерство, пострадянське господарство, трансформаційні реформи, соціальна політика, рента

The cornerstone of successful strategy of post-socialistic economy is the balance of contradictions between the rational nature of the economy and the natural tendency of the individual to unlimited consumption. The article is devoted to the evaluation of such a balance in which the maximum satisfaction of material and especially spiritual needs of individuals would preserve the conditions of effective management and create the conditions for its entering into the global “world-economy” in terms of equal partnership.

Keywords: Economic Ethics, social partnership, the post-Soviet economy, transformational reforms, social policy, rent

Поступила в редколлегию 25.10.2013 г.